СОВЕТСКАЯ РОССИЯ
8 ДЕК 1978

ОСНОВАТЕЛЬ

К 250-летию со дня рождения Федора Волкова

ВЕСЕННЯЯ КАПЕЛЬ умыла окна. Мутное петербургское солнце обещало обновление природы. Наступил, слава богу, конец тяжелой, редкостно холодной зимы 1763 года... Федор Григорьевич в часы, когда спадал жар и возвращалось ровное дыхание, просил приносить зеркало и вглядывался в отражение придирчиво и тревожно, так, как умеют разглядывать свои лица только актеры. Его огорчала одутловатость на скулах, темные круги под глазами — он пытливо искал в зеркале себя, привычного, того, о ком говорили, что величав и благороден осанкой, приятен и выразителен лицом, красив своими темнорусыми локонами, живописно обрамляющими лоб, любезен в обращении и весьма остроумен. Того, кто равно умел покорять в трагедиях и комедиях... Искал и не находил: роковой маскарад — великое народное представление на улицах и площадях Петербурга, коему он, Федор Волков, был душой и умом, зимние гонки на коне по морозу в распахнутом кафтане свалили его в «гнилой и воспалительной горячке», которую много времени спустя станут именовать коротким и страшным словом — тиф.

Болезнь отрешила его от театра — дела и смысла всей его короткой жизни, в тридцать четыре года наложила на лицо печать смерти. К чему были все милости, которыми его нынче осыпали, если нет ни с чем не сравнимой радости выхода на сцену, дьявольской суеты и напряжения, которые он, не только первый актер первой русской труппы, но ее архитектор, живописец, стихотворец, драматург, режиссер, испытывал всякий день вот уже шесть лет, с 30 августа 1756 года, когда был издан «Именной высочайший указ, данный Сенату, об учреждении Русского театра».

Еще раньше, вызванный со своими ярославскими товарищами в Петербург и определенный на благородное обучение в привилегированный Сухопутный Шляхетный корпус, он не имел права носить шпаги, поскольку числился в купеческом, а не дворянском звании. Теперь шпага есть, а театра нет. К чему это было, ему, презиравшему знать, всех этих наглых петиметров — молодых светских щеголей, которые нарочито громко стучали каблуками и шпорами, проходя в театральную ложу, а затем забрасывали актеров издевательскими репликами,— к чему было уравниваться с ними в звании? Не он ли писал на них злую эпиграмму:

Всадника хвалят: хорош молодец!
Хвалят другие: хорош жеребец!
Полно, не спорьте: и конь и детина
Оба красивы, да оба — скотины...

Память, освобожденная от горячки, жадно выхватывала вехи жизни.

Скорбные глаза красавицы матери, вдовы купца, оставшейся сиротою с пятью детьми на руках. И светлые, исходящие лаской и добротою к ним, детям, глаза отчима, ярославского купца и заводчика Полушкина. Грамоте, ученью в Петербурге, первыми встречами с театром — всем обязан он, Федор, этому рано ушедшему от них человеку. За два года учения в Петербурге он не столь прилежно занимался совершенствованием в купоросно-серном производстве, сколько жадно постигал искусство итальянских, немецких, французских актеров, премудрости волшебного театрального дела. Он рисовал костюмы, декорации, машинерию сцены, тратил почти все свое содержание на книги о театре и разные пьесы. Но как потрясло его представление трагедии русского сочинителя Александра Сумарокова «Синав и Трувор», которую разыграли кадеты Шляхетного корпуса! Русская пьеса! На русском языке! Из русской истории!..

Федор Григорьевич двадцатидвухлетним вернулся в Ярославль и взахлеб рассказывал своему другу, семинаристу Ване Нарыкову: «Увидя Никиту Афанасьевича Бекетова в роли Синава, я пришел в такое восхищение, что не знал, где был: на земле или на небесах. Тут родилась во мне мысль завести свой театр в Ярославле...»

И театр родился. В муках. Под страхами, которыми окружали его местные попы и купеческие дети. Было и так, что в сумерках они нападали на его товарищей, актеров, избивали их смертным боем, со знанием дела, хорошо отработанным в кулачных боях на святках. А театр жил. И афиша его звала на «некое лицедейство, крайне диковинное и до того времени в Ярославле невиданно». Наследники серных и купоросных заводов купца Полушкина, его всеизвестного в Ярославле кожевенного торга, братья Волковы представляли обескураженным ярославским жителям драму француза Жана Расина «Эсфирь». Облака «ходили вверх и вниз», плошки пылали волшебным огнем, музыка дивная, неземная — его сочинения, Федора Волкова, музыка! — полоняли сердца и разум ярославцев.

Духовенство удалось унять представлениями пьес самого епископа Дмитрия Ростовского. Но купечество не унималось— театр подвергался всяческому гонению. Лишь в январе 1752 года Ярославль взорвала весть о том, что сама императрица требует Федора Волкова с товарищами в Санкт-Петербург...

И началась жизнь, которую выдержать могли только они, одержимые желанием сотворить театральное чудо в России. После первого же представления в Большом театре Зимнего дворца духовной пьесы Дмитрия Ростовского «О покаянии грешного человека» почти вся труппа, двенадцать ярославских актеров, слегла от сильного нервного потрясения. Выиграли свое будущее и слегли. Были среди них братья Федор, Григорий и Гаврила Волковы, Иван Нарыков, Яков Шумский, Алексей Попов и Яков Попов, Иван Иконников, Семен Куклин, Демьян Галкин и братья Егоровы...

Затем — два года учения в Шляхетном корпусе, участие в кадетских спектаклях, где Федор Волков, играя наравне с дворянами, оставался первым актером любительской труппы: талант его сверкал, вызывал поклонение и дружбу всякого, в ком искрилась благородная страсть к театру. Там сложилась его дружба с первым русским драматургом Александром Петровичем Сумароковым.

Мужественные люди основали этот театр. Но мужеством были наделены и женщины, пришедшие в эту труппу и ставшие первыми русскими актрисами: Авдотья Тимофеева, Мария и Ольга Ананьины, Аграфена Мусина-Пушкина и великая трагическая актриса Татьяна Михайловна Троепольская!

Самозабвенно играл с ними Волков мольеровские переводные пьесы, сумароковские трагедии, драмы М. Хераскова, счастливейшую из немногих ролей, выпавших на его актерскую судьбу, — Ричарда Третьего в шекспировской трагедии «Жизнь и смерть Ричарда Третьего, короля английского», переведенной Иваном Нарыковым — Дмитревским...

Основатель Русского театра прожил немного и несправедливо, не по таланту своему, мало играл. Слишком велико время, которое занимали хлопоты по устройству театральных дел и созданию спектаклей. Он умер 4 апреля 1763 года тридцати четырех лет от роду...

Спустя век великий актер России Михаил Семенович Щепкин горько выскажется на обеде у ярославского предводителя дворянства: «А кому мы всем этим обязаны? Кто, где, когда впервые привил к нашей жизни новое искусство? Он, незабвенный наш Федор Григорьевич Волков, здесь, в Ярославле, сто лет тому назад, и мы ничем почти не почтили этого человека!..»

Нынче он уважен. Нерукотворным памятником первому русскому актеру стало всемирное признание нашего театра, его культуры, его подлинной демократичности, гуманности и высокой художественной правды. Русская театральная культура, зачатая Федором Волковым и его сподвижниками, нашла последователей и почитателей в прогрессивных театрах крупнейших стран Европы и Америки. Ею питается многонациональный советский театр. Теперь, через двести с лишним лет, память Федора Волкова чтят сотни миллионов наших современников.

Ал. МИХАЙЛОВ.